

КОНЦЕРТ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Поздний вечер. Бар на окраине Шанхая. Александр пьет коньяк. Он часто бывает в этом заведении. Рассказывает тамошнему пианисту, что его только что выгнали из ресторана «Аркадия» – излюбленного места русских эмигрантов. В ресторане проводился конкурс «Мисс Шанхай». Импровизированная гримерная располагалась на заднем дворе, прямо в курятнике. Среди кур и гусынь к конкурсу готовились, ярко красясь и наряжаясь, неопрятные толстые русские проститутки. Александр думал о войне, которая идет в России в то время, как в грязном шанхайском ресторане в самом разгаре конкурс «Мисс Шанхай».

Александр рассказывает пианисту, как одна из конкурсанток бравировала тем, что ей нет дела до войны, а он кинул в нее помидором. Списывает свой поступок на нервы. Признается себе в том, что никто не заставлял его так надолго «застревать» за границей, куда он прибыл на корабле из Одессы 25 лет назад. Однако советская власть уже дважды отказывала ему в праве вернуться домой, в посольстве его называли предателем. Вспоминает отпевание отца, который служил адвокатом и безвозмездно защищал бедных и нуждающихся. Отец слыл местным ангелом. На похороны проститься с ним пришли сотни его подзащитных.

Александр вспоминает, что в те дни из Константинополя домой в Одессу дважды в день отходили корабли. Ничто не мешало ему сесть на один из них. Однако в Турции ему нравилось. В Константинополе собралась весь цвет русской эмиграции. Они держали свои кафе, рестораны, магазины, гостиницы. Белые генералы выводили в свет дам, с ног до головы увешанных сразу всеми своими драгоценностями. Устраивались лекции, дебаты. Разговоры о России, о войне и мире. Город будто стал русифицироваться.

Позже, как вспоминается Александру, турецкие власти ввели некоторые ограничения, и жить стало не так удобно. Рестораны закрывались, генералы кончали жизнь самоубийством – то ли от тоски по родине, то ли от скуки. Корабль все так же ходил из Константинополя в Одессу дважды в день, однако молодой Александр уехал с концертом в Палестину. Теперь ежевечерне в шанхайском баре он размышляет, почему. Признается, что

отдал бы все, чтобы оказаться сейчас в подмосковной деревушке – в доме с дырявой крышей.

Александр вспоминает, как однажды в баре, похожем на этот, только в арабском квартале Тель-Авива, он попал на выступление танцовщиц, обожаемых местной громкой публикой. Первая была отвратительно толстой, вторая – в два раза огромнее, а третья – и вовсе слон. Он выбежал из бара, чтобы никогда туда не вернуться.

В своих воспоминаниях он возвращается в ранее детство, которое после смерти родителей провел у тетки Марии Степановны. Рассказывает, как презирал свою двоюродную сестру Олю, называл ее дурою и не понимал, как ей – бездарной, некрасивой и глупой – позволяют частным образом заниматься актерским мастерством, а ему – нет. Вспоминает, как приемная семья не любила и унижала его, и как унижал сам. Называет себя скверным мальчишкой.

Александр вспоминает свои юношеские любви – Маруси, Кати... Медсестру Марию Емельянову он считал своим проклятием. Называл ее ласточкой, ходил под окнами ее больницы. Узнав, что Маруся вышла замуж за жандарма Иванова, предположил, что она сделала это по принуждению или из расчета. Рассказывает, как, желая ее освободить, однажды проник в квартиру Иванова и застал пару в постели. Совершенно голыми. Они занимались любовью, и, как показалось Александру, Марусе это нравилось.

Спустя годы, после одного из концертов в Варшаве, к Александру за кулисы пришла немолодая усатая женщина. «Усатая корова», подумал про себя Александр. Он не узнал в ней Марусю Емельянову. Она больше не была ласточкой.

Александр вспоминает, как разыскал в Москве старшую сестру – Надежду Вертиńskую. С Надей он был разлучен в раннем детстве. После смерти родителей они воспитывались в разных семьях. В Москве брат и сестра стали жить вместе: он писал стихи, она играла в театре. Все их деньги уходили на кокаин. Когда-то Александр давал себе обещание беречь сестру. Не уберег.

Александр уверяет собеседника, что в Москве он был господом богом: мог внезапно отменить концерт, не прийти без предупреждения, если не было настроения. В Москве мастера сцены были на особом счету. Румыния же его поразила.

По его словам, нужны были деньги. Это заставляло его выступать в обстоятельствах, о которых он вспоминает сужасом. В одном из бухарестских кабаков, куда Александр со своим концертмейстером зашли поесть, выступал цыганский оркестр. Во время выступления музыканты встали на колени перед концертмейстером. Тот, послюжив банкноту, приkleил ее на лоб одному из них. Оркестр играл, вспоминает Александр, пока банкнота на упала на пол. Когда он попросил концертмейстера не делать так, цыгане рассердились – он мешал им зарабатывать деньги. Для них это было нормально.

В Румынии, рассказывает Александр, мастер сцены – это никто. Он старался петь для себя. Однажды один из посетителей сказал ему, что пришел поесть дешевой солянки, и эти завывания только мешают ему. Александр продолжил мешать и петь.

Александр уверяет собеседника, что в Москве он был господом богом: мог внезапно отменить концерт, не прийти без предупреждения, если не было настроения. В Москве мастера сцены были на особом счету. Румыния же его поразила.

По его словам, нужны были деньги. Это заставляло его выступать в обстоятельствах, о которых он вспоминает сужасом. В одном из бухарестских кабаков, куда Александр со своим концертмейстером зашли поесть, выступал цыганский оркестр. Во время выступления музыканты встали на колени перед концертмейстером. Тот, послюжив банкноту, приkleил ее на лоб одному из них. Оркестр играл, вспоминает Александр, пока банкнота на упала на пол. Когда он попросил концертмейстера не делать так, цыгане рассердились – он мешал им зарабатывать деньги. Для них это было нормально.

В Румынии, рассказывает Александр, мастер сцены – это никто. Он старался петь для себя. Однажды один из посетителей сказал ему, что пришел поесть дешевой солянки, и эти завывания только мешают ему. Александр продолжил мешать и петь.

Александр спрашивает, бывал ли пианист когда-либо в

православных соборах? Они сплошь из золота. А белые стихари мальчиков-служек – предмет зависти всех детей. Александр рассказывает, как однажды в школу, где он учился, пришел священник. Он пообещал тем, кто выучит шесть псалмов, разрешить участвовать в богослужении. А это означало, надеть белый стихарь. Он выучил заданное за ночь. Однако ни один стихарь Александру не подошел, он был слишком высоким.

Сценический костюм Александру всегда казался очень важным. Поначалу он так густо накладывал грим на лицо, что родная мать навряд ли бы его узнала. Выступал в полутьме, боялся слушателей. Вспоминает, как московские артисты решили, что должны выделяться костюмом – стали носить желтые джемперы и обувь. А поначалу Александр выступал в белых одеждах печального клоуна - в белом стихаре при алтарного служки.

Александр рассказывает о случае в Бухаресте. Там выступал прославленный румын – толстый золотозубый скрипач Владеско. Звезда бухарестских кабаков, противный тип. Но как он играл! Больше других Александр любил один из концертов Пабло де Сарасате в исполнении самовлюбленного скрипача. Громче всех Владеско аплодировала некая дама за столиком в самом углу ресторана. То была его жена – некогда знаменитая и талантливая красавица-актриса, теперь будто каторгой измученная – Сильвия Тоска. Владеско ее бил. Обычно на глазах у всех. Ее никто никогда не защищал. Возмущившегося было Александра остановил концертмейстер – она любит Владеско, иначе бросила бы, как когда-то бросила ради него богатого мужа и сцену.

Александр написал роман о Сильвии. Он вспоминает, как однажды в Вене на его концерт пришел Владеско и услышал эту песню. Позже в гримерной скрипач плакал и клялся, что никогда больше не будет так обходитьсь с женой.

Александр рассказывает, что еще в Америке понял, что для янки Европа – это страна, а Париж – единственная ее столица. Американцам казалось, что в Европе живут сплошь князья да принцы. Смеется над тем, как в Париже русские наживались на стремлении американцев прикоснуться к чему-то аристократическому. Нигде русской эмиграции не жилось так

вольно, как в Париже, в основном благодаря янки. Мы называли себя европейцами, парижанами, говорит Александр, а вели себя как волки.

Вспоминает, как, не имея карманных денег, он и другие дети добывали их в монастыре. Не в самом монастыре, а в катакомбах. Там хранились мощи святых, на лица которых паломники бросали монетки. Это был самый легкий способ разжиться деньгами. На них можно было купить пышки, которые так любила тетка Мария и которые никогда не доставались Александру. Так и вели себя, как собаки – что дома, что в Париже, говорит он.

Александр вспоминает, как в Филадельфии его пригласили на похороны. Ничего более страшного он в своей жизни не видел. Келли была его знакомой, которой нравилось слушать, как он рассказывает о родине. Келли разбилась на машине: возможно, самоубийство, возможно, алкоголь. На похоронах она, разодетая и накрашенная, была посажена у барной стойки. Тело обслуживал настоящий бармен. Остальным подавали ее любимые сэндвичи. И после таких похорон, удивляется Александр, американцы позволяли себе интересоваться у него, не едят ли в Советском Союзе детей.

Александр вспоминает, как сидел в детстве на горшке с медвежонком в руках и случайно выцарапал игрушке глаза. Тетка Мария сняла его с горшка и сообщила, что умерла его мать. Видимо, утешения радидала плитку шоколада. Маленький Александр забрался на стол, где лежало тело мамы, и попытался угостить ее шоколадом. Один кусочек, второй, третий. Мама не шевелилась.

Александр рассказывает, что в Париже часто гостили наши артисты. Только можно ли их назвать нашими? Он вспоминает, как однажды во Францию прибыла большая группа мастеров сцены, с которыми он был близок в России. Однако они не искали с ним свидания. Он вспоминает, как разыграл якобы случайную встречу в парижском ресторане «Эрмитаж». Среди гостей ресторана была и знаменитая балерина Анна Павлова. По словам Александра, она выглядела смешной. Он пригласил ее на танго. Анна Павлова была словно деревянной, не знала, как двигаться. Подумать только, говорит Александр,

я учил танцевать Анну Павлову! Балерина постарела, и ей аплодировали за то, ком она была в молодости.

Александр вдруг вспоминает, как взошел на палубу корабля, который увозил его из дома. Началась буря. Все разбежались по каютам, а он остался в салоне – слушать радио. Оттуда зазвучала его песня. Он включил себя погромче.

Александр не помнит, рассказывал ли он о санитарном поезде. Его не приняли в театральную студию. Он спился и снаркоманился до такой степени, что был похож, по его словам, на ходячего мертвеца. Нужно было что-то делать, начиналась война. Безумно богатая Мария Морозова открыла в своем доме госпиталь. Александр пошел туда санитаром. Он воображал себя ангелом.

Позже Мария Морозова организовала санитарный поезд. Он так и назывался «Санитарный поезд Марии Морозовой». Александр отправился на фронт. Однажды, вспоминает он, его схватил за халат тяжело раненый солдат и попросил спеть. Александр не помнит, допел ли он ту песню до конца – на утро его нашли лежащим на груди мертвеца.

Его пapa, рассказывает Александр, тоже лежал на груди. На своей груди. Голой грудью на заснеженной могиле своей любимой – мамы Александра. Был март, пapa простудился и вскоре умер. Александр называет родителей – мама и пapa, а не мать и отец. Насколько он знает, пapa не был рядом с мамой, когда ей сделали роковую операцию, и не смог себе этого простить. Шел на кладбище, лежал с открытой грудью на могиле, зная, что умрет. Завтра Александр собирается снова идти в посольство и сидеть там до тех пор, пока его не отпустят домой.

В 1943 году Александр Вергинский получил разрешение вернуться на родину.

Там он дал около 3000 концертов. Его пластинки не были изданы.

О концертах не писали рецензии.

Два последние года жизни он провел в подмосковной деревушке — в доме с дырявой крышей.

ОЛЬГА ПРОСКУРОВА